

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2025. Том 29, № 1
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья

УДК [[81'23:616.89-008.444.7:303.446.2]-055.2](=161.1)(510)

ББК 81+63.3(5Кит)+63.3(2Рос)+63.5-53

<https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-1-94-106>

СУБДОМЕН «ЖЕНСКАЯ ОБИДА» В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ КАРТИНАХ МИРА

Виолетта Александровна Белодед

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины,
Гомель, Республика Беларусь

Аннотация. На основе анализа публицистических и художественных текстов выявляются когнитивные признаки субдомена «женская обида», профилированные в русской и китайской национальных картинах мира. С опорой на структуру фрейма «эмоциональное состояние» и связь анализируемого концепта с доменной областью «социальный пол» устанавливаются сходства и отличия в концептуализации представлений о женской обиде. Данные отличия объясняются зависимостью гендерных стереотипов от доминирующих в обществе культурных ценностей и норм.

Ключевые слова: *женщина, эмоциональное состояние, женская обида, гендерный стереотип, когнитивный признак, концептуализация, субдомен, домен, национальная картина мира*

Для цитирования: *Белодед В. А.* Субдомен «женская обида» в русской и китайской национальных картинах мира // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2025. Т. 29, № 1. С. 94–106. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-1-94-106>

Original article

SUBDOMAIN “WOMEN’S RESENTMENT” IN RUSSIAN AND CHINESE NATIONAL WORLDVIEWS

Violetta A. Beloded

Skorina Gomel State University, Gomel, Republic of Belarus

Abstract. Based on the analysis of journalistic and literary texts, the cognitive features of the subdomain “women’s resentment” are identified, as profiled in the Russian and Chinese national worldviews. Based on the structure of the frame “emotional state” and the connection of the analyzed concept with the domain area “social gender”, similarities and differences in the conceptualization of ideas about female resentment are established. The differences identified are explained by the dependence of gender stereotypes on the cultural values and norms dominant in society.

Key words: *woman, emotional state, women’s resentment, gender stereotype, cognitive feature, conceptualization, subdomain, domain, national worldview*

For citation: *Beloded, V. A.* (2025). Subdomain “women’s resentment” in Russian and Chinese national worldviews. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, vol. 29, no. 1, pp. 94–106. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-1-94-106>

Введение

Когнитивная лингвистика как область научного знания исследует язык не только как средство коммуникации, но и как индикатор ментальных процессов и структур, определяющих восприятие и интерпретацию мира человеком. Опора на методы когнитивной лингвистики в значительной степени оптимизирует проведение сопоставительных исследований, так как ученый оперирует единицами не языкового, а ментального «лексикона» [Кубрякова и др., 1997, с. 97], выступающими когнитивными основами для установления сходств и различий в языковой репрезентации представлений о мире. К числу таких основ относится понятие «домен» [Langacker, 1987, 1991]. Доменом является «любая связная область концептуализации, относительно которой характеризуется семантическая структура» [Жаботинская, 2004, с. 84]. Иными словами, домен – это тот ментальный опыт, который выступает фоном, базой для понимания более частного репрезентационного пространства.

В центре нашего исследовательского внимания – концептуализация представлений о женской обиде в русской и китайской национальных картинах мира. Женская обида как область концептуализации и, соответственно, как концепт формируется на основании особого типа сканирования данных, воспринимаемых извне и обрабатываемых человеческим сознанием. Такой тип сканирования сопряжен с ментальной операцией, которая в когнитивной лингвистике получила название «связь с референциальной точкой» [Langacker, 2000, р. 24; Langacker, 1999, р. 171–174]. «Суть этой связи заключается в том, – поясняет С. А. Жаботинская со ссылкой на Р. Ленекера, – что для активации понятия об одной сущности мы должны сначала активировать понятие о другой сущности, которая и является “референциальной точкой”. Через неё мы получаем доступ к “целевой сущности”» [Жаботинская, 2008, с. 70]. Целевой сущностью здесь мыслится «обладаемое» – обида, а референциальной точкой – «обладатель», тот, кто переживает обиду. Таким образом, концепт «женская обида» является субдоменом по отношению сразу к двум взаимосвязанным доменам: «женщина» и «обида», а на более высокой ступени абстракции – к доменам «социальный пол» и «эмоциональное состояние».

Смысл обращения при когнитивном анализе к такого рода связям и отношениям состоит в том, что объективация субдоменных концептов предполагает актуализацию ряда когнитивных признаков доменов, а это дает исследователю дополнительные опоры для определения структуры концептуализируемой области. Домены, как указывает Р. Ленекер, «формируют объем концептуального потенциала», однако этот потенциал используется конкретными концептами по-разному [Langacker, 1987, р. 149]. Наша исследовательская задача – выяснить, какие именно «наследуемые» концептом «женская обида» когнитивные признаки доменов, к которым восходит данный концепт, оказываются высвеченными, профилированными в русской и китайской национальных картинах мира, а какие – остаются в тени.

В качестве одной из исходных теоретических посылок для выдвижения гипотезы в настоящем исследовании используется тезис, что эмоции являются «таксоном культуры» и «их вербализация в различных языковых культурах не всегда совпадает по форме, объему и качеству эмотивных смыслов» [Шаховский, 2008, с. 288]. Можно предположить, что семантические области, формируемые языковыми обозначениями женской обиды в русском и китайском языках, а также объективация соответствующих концептов в русско-

китайскоязычных текстах будут характеризоваться как общими, так и специфическими чертами.

Нельзя не согласиться с В. И. Шаховским, что все люди переживают одни и те же эмоции (злость, страх, горе, радость, раздражение, восхищение и т. п.) и в этом отношении представляют собой «одинаковые человеческие существа» [Шаховский, 2008, с. 289]. «Однако ... было бы неверно утверждать, что все люди, даже внутри одной культуры, чувствуют и мыслят одинаково, “под копирку”, тем более представители разных культурных групп» [Шаховский, 2008, с. 289]. Данные положения подтверждают постулируемую нами связность концепта «женская обида» как с универсальными когнитивными структурами доменных зон «социальный пол» (мужчина/женщина) и «эмоциональное состояние», так и с теми областями концептуализации, которые определяют национально-культурную специфику ситуации переживания эмоции.

Заметим, что языковая объективация концепта «обида» в русской лингвокультуре уже подлежала изучению [Мельникова, 2007; Шмольская, Мамаева, 2012; Эмих, 2005]. Определение национально-культурной специфики концепта «обида» на основе его лингвокультурологической интерпретации проведено Т. А. Эмих [Эмих, 2005]. Она подвергает этимологическому и семантическому анализу слово *обида* и его производные; опираясь на анализ метафорических употреблений лексем, репрезентирующих концепт *обида* в художественных текстах, выявляет образную составляющую концепта; анализируя контекстные употребления слова *обида* и его производных, устанавливает структуру фрейма «обида» с выделением в нем прототипических субъектов и прототипической причины [Эмих, 2005, с. 18]. О. Н. Мельникова через сопоставительный анализ семантики слов, обозначающих обиду в разных языках, приходит к выводу о лексической специфичности слова *обида* в русском языке [Мельникова, 2007, с. 187]. «Наиболее специфичным в русском понимании обиды является отношение “обиженного” к “обидчику”», за этим отношением кроется осознание обиженным того, что он недополучил тепла, внимания и любви от обидчика, и это расценивается как абсолютная несправедливость [Мельникова, 2007, с. 188]. На связь чувства обиды с несправедливым отношением к человеку указывает и Т. А. Эмих: «Русский человек практически любую несправедливость и даже оскорбление принимает как обиду (он все принимает близко к сердцу), в силу чувствительности и, может быть, мнительности» [Эмих, 2005, с. 16, 18]. Она считает, что прототипическая причина обиды связывается именно с идеей несправедливости [Эмих, 2005, с. 18]. Как видим, чувство обиды, по мнению ученых, в русском менталитете ассоциируется прежде всего с ожиданием справедливого отношения к человеку [Мельникова, 2007, с. 187; Эмих, 2005, с. 16].

Теоретическую основу исследования языковой объективации представлений о гендерно маркированном чувстве обиды в русской и китайской национальных картинах мира составляет положение, что «лингвистическая структура, присутствующая в мышлении человека, является сетью, т. е. системой, в которой информация представлена во взаимосвязях» [Жаботинская, 2008, с. 64]. Соответственно, каждый концепт, представляющий тот или иной фрагмент вербализованной информации, есть иерархически организованная база данных, сеть характеризующих признаков, установление которых опосредовано пропозициями [Жаботинская, 2008, с. 64]. Такая трактовка структуры баз данных, хранящихся в сознании человека, позволяет моделировать содержание концепта с опорой на заимствованное из теории искусственного интел-

лекта понятие фрейма – знания о некоторой стереотипной ситуации и о тексте, описывающем эту ситуацию [Минский, 1979; Жаботинская, 2008, с. 64]. При интерпретации контекстов, содержащих обозначение женской обиды, учитывалась структура глубинной пропозиции, положенная в основу структурирования знания об эмоциональном состоянии человека. Если учесть результаты исследования пропозиций, представленных в высказываниях, описывающих эмоциональные состояния, то наиболее общая, элементарная структура знаний об эмоции включает три элемента, в терминах фреймовой семантики – три «слота», осмысляемых как «области приложения различной информации» [Жаботинская, 2008, с. 64]: субъект эмоционального состояния, причина эмоционального состояния и само эмоциональное состояние [Вольф, 2002, с. 55–57].

Анализ концептуализации представлений о женской обиде в сопоставляемых картинах мира строился также с опорой на одно из ключевых положений лингвоконцептологии, в соответствии с которым концепт включает не только информационное содержание и интерпретационное поле, но и образный компонент [Попова, Стернин, 2004]. Обращение к анализу текстовых воплощений образного компонента концепта дает, как правило, наиболее значимые результаты для определения этнокультурной специфики концепта.

При проведении сопоставительного исследования применялась методика реконструкции концепта, включающая контекстуальный анализ и метод интерпретации. Контекстуальный анализ обеспечил возможность определения особенностей функционирования обозначений обиды в текстовом пространстве. Метод интерпретации был использован для раскрытия основных тем и паттернов, связанных с проявлением женской обиды.

Эмпирической базой для анализа объективированных представлений о женской обиде в русской и китайской национальных картинах мира послужили публицистические и художественные тексты из национальных языковых корпусов и поискового сервиса Google Ngram Viewer, в которых фиксируются гендерно маркированные обозначения обиды: *женская обида* и *女性的委屈*. Важным инструментом в исследовании стал китайско-русский словарь [Большой китайско-русский словарь], содержащий информацию о переводах и значениях слов, связанных с исследуемой концептуализируемой областью.

Исследование и его результаты

Перейдем к рассмотрению интерпретационного поля субдомена «женская обида», реконструируемого на основании анализа текстов, содержащих соответствующие языковые обозначения, и выясним, какие именно когнитивные признаки оказываются актуальными в русской национальной картине мира, учитывая гендерную маркированность обиды.

Наблюдения показали, что в связи с подключением баз данных, представляющих доменную область «женщина», фокусировка внимания наблюдателя осуществляется на таких признаках домена «обида», которые детерминируются представлениями о стереотипах женского поведения. К числу таких признаков относятся:

1) непредсказуемость обид:

Женские обиды, таким образом, для мужчин непредсказуемы, но не потому, что мы толстокожие, а они загадочные. Совсем нет. Большинство женских обид возникают не тогда, когда мы сделали реально больно, а когда это надо девочке. Вот и вся непредсказуемость. Просто мальчики не научены извлекать из обид пользу (VK. 05.03.2016). В контексте представлена следующая

щая идея: женские обиды нередко возникают как способ достижения женщиной определенных целей, потому характеризуются непредсказуемостью для того, кого женщина определяет обидчиком. Кроме того, женским обидам противопоставлены мужские, которые отличаются от женских неумением мужчин извлечь из обиды пользу;

2) управляемость и недолговечность обид:

– *Сходим мы обязательно на коток, в другой раз, зато смотри, какая ты красивая, – соврал я прямо в глаза, зная, что любые женские обиды можно унять, если найти правильный комплимент* (М. Реброва. Френдзона (2022)); *Женские обиды зачастую недолговечны, – вздохнула знахарка. – Принесет любимый мужчина охапку цветов, посмотрит виновато и нежно, наденет на шею ожерелье... вот и конец ссоре* (В. Чиркова. Спасти нельзя оставить. Сбежавшая невеста (2022)). Как видим, именно возможность коррекции эмоционального состояния женщины обидчиком обуславливает недолговечность женской обиды.

Женские обиды должны быть похожи на летний дождь. Недовольство может быть бурным, но пусть оно быстро проходит. В такой обиде нет и тени злопамятности. Женщина высказала то, что ее задело, сумела добиться своего – и забыла (А. Левшинов. Книга-подарок, достойный королевы обольщения (2001)). Женщины не склонны быть злопамятными, их негативное эмоциональное состояние, связанное с чувством обиды, сравнивается с дождем.

Женское недовольство может быть устранено с помощью внимания и подарков, например цветов и украшений:

– *Я знаю, что вы обижены, а женские обиды простым «извините» не излечиваются. Женские обиды можно излечить... например, подарком, который будет доказательством заботы и внимания к чувствам женщины* (Е. Маршал. Танец с чудовищем (2024));

3) кумулятивность обид:

Если ты по ошибке огреешь мужа насмерть, я оправдаю тебя во всех судах вселенной и объясню, что есть густая женская обида, которая закипает один раз и не дает осечки (М. Головановская. Противоречие по сути (2000)). Обида показана как тяжелое эмоциональное состояние, способное привести к негативным действиям со стороны обиженной женщины по отношению к обидчику-мужчине. Использование эпитета *густая* усиливает представление о кумулятивном характере обиды, а также делает ее более зримой и осязаемой. Разговорное и экспрессивное выражение *огреешь насмерть* придает тексту эмоциональное напряжение, подчеркивает интенсивность негативных эмоций, иллюстрирует разрушительную силу женской обиды, ее остроту.

Женские обиды не проходят бесследно. В своей голове женский пол миллионы раз придумывает невозможную месть. И мужчинам кажется, что их половинки ничего не помнят, но на самом деле получают мощнейший пинок под свой неотразимый зад (О. Насонова. Почему мужчины предпочитают алкашиное дно? (2022)). В этом контексте также оказываются объективированными представления, что обиды имеют свойство накапливаться, женщины глубоко ранимы, не прощают обид и нередко жаждут отомстить.

Женская обида – как ржавая противотанковая мина, никогда не знаешь, когда рванет... (Т. Короткова. От первого лица. «Звездные» истории: о времени и о себе (2022)). В контексте актуализируется когнитивный признак ‘долговременность обиды’. Сравнение, использованное в контексте, указывает на потенциальную опасность и разрушительную силу женской обиды.

Если **женская обида** на мужчину копится, то образуется огромный валун, который перекрывает силу любви (А. Алев. Она. Цикл рассказов (2022)). Кумулятивный характер женской обиды подчеркивается использованием глагольного предиката *копится*. Метафора *огромный валун* объективирует обиду как физическое препятствие, тяжелое и труднопреодолимое. Валун символизирует значимость и тяжесть накопленного негативного чувства. Результатом всего этого является подавление такого положительного чувства, как любовь, что ведет к созданию препятствий в отношениях;

4) манипулятивность обид:

Женская обида – это способ манипуляции. А мужчина не любит, когда им манипулируют. Лучшая манипуляция с мужчиной – быть женщиной. Это работает безотказно. Подумайте сами: вы обижаетесь на солнце за то, что летом оно жарит на всю катушку? Или на дождь, который льет как из ведра в хмурый осенний день? (Е. Шапоренко. Рефлексы любви и счастья (2016)). В этом контексте поднимается вопрос о природе обиды и ее использовании в межличностных отношениях. Автор считает, что обида может быть инструментом манипуляции. Сравнение межличностных отношений с отношениями человека к объектам и явлениям окружающей среды указывает, что некоторые аспекты человеческих взаимодействий следует воспринимать как естественные и неизбежные;

5) пылкость чувства обиды:

Впереди всегда бежит **женская обида**: ты мало бываешь дома, я так старалась устроить праздник, и ты даже не знаешь, что елочные игрушки, которые я сделала своими руками, хранят секрет, и еще я купила новое платье, я хотела в нем сегодня пойти с тобой... (Д. Волкова, Н. Литтера. Синий бант (2022)). В контексте показано, что обида формируется на основе ощущений недостатка внимания и признания со стороны партнера. Обида здесь представлена как спонтанная реакция на мужское невнимание и отсутствие заботы.

Похмелье – не самая страшная беда. С головной болью можно было справиться, выпив таблетку. А что делать с надутыми девушками? **Женская обида** – как **пчелиное жало** (Ю. Узун. Пора жениться (2023)). В этом контексте объективируются такие когнитивные признаки, как ‘пылкость чувства обиды’, ‘колкость ответной реакции на обиду’. Если головную боль можно унять таблеткой, то обида женщины требует более сложного решения.

Женская обида в ответ на его обман, предательство рвалась на свободу (Н. Федюшина. Проект 2.0 (2021)). Ситуация, представленная в контексте, проливает свет на причины и характер проявления женской обиды. Женщина испытывает негативные чувства из-за обмана и предательства со стороны партнера. Обида здесь считается естественной реакцией на несправедливое мужское поведение, причинившее женщине боль. Пылкость женской обиды в обоих контекстах подчеркивается использованием глагольных предикатов *бежит*, *рвется*.

Итак, анализ воплощения субдомена «женская обида» в русском текстовом пространстве указывает на высвечивание в содержании данной области концептуализации таких когнитивных признаков, которые в первую очередь связаны с субъектом эмоционального состояния. Доменная область «женщина», сформированная в русской национальной картине мира, определяет актуализацию в субдомене «женская обида» нескольких когнитивных признаков. Это, с одной стороны, ранимость, терпеливость и отходчивость русских женщин, с другой – их капризность, импульсивность, мстительность и прагматичность. Данные характеристики становятся важными для анализа жен-

ских обид, поскольку они отражают общественные ожидания и стереотипы, связанные с поведением женщин. Контрастность характеристик объясняется условиями, их порождающими. Например, терпеливость часто рассматривается как положительная черта, позволяющая женщинам сдерживать негативные эмоции. В то же время накопление обид влечет за собой внутреннее напряжение и эмоциональные всплески у женщин. Капризность может интерпретироваться как негативное следствие оказываемого на женщину давления и несправедливого обращения с ней. Импульсивность, которая иногда возникает как ответ на накопленные эмоции, способна вызывать резкие действия и высказывания, подчеркивающие безудержность женской натуры. Прагматичность, манипулятивное поведение обиженных женщин может интерпретироваться и как хитрость, и как слабость характера, женская мягкотелость, уступчивость.

Выявленные характеристики собственно эмоционального состояния обиды как отдельного элемента в структуре фрейма тоже оказываются контрастными: обиды женщин могут быть кратковременными либо длительными, непредсказуемыми либо предсказуемыми, тяжелыми либо легковесными.

В контексте рассуждения о женских обидах как таковых причины обид русских женщин оказываются высвеченными в меньшей степени. Каузировать обиду может обман, предательство, невнимательность и др. «Провокатором» обид, т. е. тем человеком, с которым связывается несправедливое отношение, для русских женщин выступает, как правило, мужчина, зачастую – супруг.

В китайской культуре субдомен «женская обида» также имеет набор когнитивных признаков, детерминированных стереотипами женского поведения. К числу таких признаков относятся:

1) кумулятивность, долговременность обид:

她一直忍受着丈夫的冷淡和忽视，心里充满了**女人的委屈**。 Она всегда терпит холод и игнорирование со стороны мужа, ее сердце наполнено **женской обидой**. Женская обида представляется как долго накапливающаяся эмоция, связанная с терпением и самоотверженностью женщины. Это соответствует стереотипу поведения жены, продолжающей выполнять свои обязанности, несмотря на эмоциональное пренебрежение со стороны мужа. Предметом мысли, однако, выступает не обида, а субъект состояния – женщина; принадлежность обиды женщине воплощена в метафорическом сценарии.

妻子总是默默承受着家庭的重压和责任，却很少得到感激或支持。这种**女性的委屈**，在她心里积蓄了很久。 Жена всегда молча переносит тяжелые обязанности и давление со стороны семьи, но редко получает их благодарность или поддержку. Эта **женская обида** долго накапливается в ее сердце. В этом контексте объективирован когнитивный признак ‘растянутость женской обиды во времени’. Женская обида накапливается со временем как реакция на недостаток признания со стороны окружающих. Таким образом, обида концептуализируется как длительный и постепенный процесс, а не как мгновенная реакция.

小李为了家庭的和谐和孩子的幸福，放弃了自己的梦想和追求，却她发现这种牺牲并未得到足够的理解或尊重。她心中充满了**女人的委屈**。 Сяо Ли ради семейного благополучия и счастья детей отказалась от своих мечтаний и стремлений, но она обнаружила, что ее жертва не получила должного признания или уважения – в ее сердце накопилась **женская обида**. Признак постепенности накопления обиды и ее долговременности проявляется через отказ женщины от личных интересов и жизненных притязаний, что не было оцене-

но по достоинству членами семьи. Самоотречение женщин часто остается незамеченным и недооцененным.

Женщины **много** **страдали** **после** **замужества**, **поэтому** **они** **часто** **терпеливы**, **потому** **что** **для** **гармонии** **в** **семье** **им** **приходится** **менять** **свое** **мышление** **и** **отпускать** **обиды**. **Замужние** **женщины** **почти** **каждый** **день** **занимаются** **самоанализом**, **как** **будто** **они** **монахини**, **что** **очень** **утомительно!** **Многие** **конфликты** **и** **обиды** **возникают** **из-за** **столкновения** **характеров**, **когда** **личные** **качества** **проявляются** **в** **словах** **и** **поступках**. Обиды у женщин часто возникают после вступления в брак, что связано с необходимостью терпения и самопожертвования ради семейной гармонии. Женская обида может иметь долгосрочные последствия и стать причиной серьезных конфликтов и недопонимания в отношениях.

Обида, возникающая в контексте семейных отношений, связана с тем, что усилия женщины игнорируются или недооцениваются. Женщина продолжает выполнять свои обязанности, не получая эмоционального удовлетворения, что приводит к накоплению обиды. Важно отметить, что в китайской культуре женщина не всегда имеет возможность открыто выразить свои чувства, что усиливает скрытый и кумулятивный характер негативного чувства;

2) безысходность обид:
 в男性主导的职场上, 她的建议经常被忽视, 这种对待让她心生**女人的委屈**, 犹如孤独的小舟在汹涌的海浪中努力前行。На рабочем месте, где доминируют мужчины, ее советы часто игнорировались, и такое обращение заставляло ее чувствовать **женскую обиду**, как если бы она была **одинокой лодочкой, сражающейся с бурными волнами моря**. Сравнение с одинокой лодкой в бурном море подчеркивает усилия женщины оставаться на плаву и бороться с противодействием в непростой рабочей среде.

她为了平等和正义不懈奋斗, 却总被批评太过激进, 这种不公平让她感到**女人的委屈**, 就像在茫茫大雾中寻找明路。Она борется за равенство и справедливость, но ее постоянно критикуют за слишком радикальные взгляды, и это неравенство вызывает у нее чувство **женской обиды, как будто она ищет путь в густом тумане**. Густой туман, в котором женщина ищет путь, отражает сложность ситуации, в которой находится героиня. Туман символизирует неясность, смещение идеалов и реальности;

3) скрытность переживания обиды:

她每天早出晚归, 为家庭付出了所有, 然而却总被指责不够关心家庭, 这让她倍感**女人的委屈**, 如同在无边无际的沙漠中行走。Она каждый день уходит на работу рано и возвращается поздно, готовая отдать все для своей семьи, но все равно постоянно обвиняется в недостаточном внимании к родным, что умножает ее чувство **женской обиды, словно она идет по бескрайней пустыне**. Чувство несправедливости и одиночества, возникшее у женщины, трудящейся на благо своей семьи и не получающей должного внимания и поддержки со стороны близких, сравнимо с бесконечным путешествием по пустыне. Однако женщина не находит целесообразным говорить в семье о своей боли.

В китайскоязычных текстах, так же как и в русскоязычных, концептуализация представлений о женской обиде связывается и с объективацией причин этого эмоционального состояния. Однако если в русской национальной картине мира причины женских обид кроются, как правило, в отношениях

между женщиной и мужчиной в семье, то в китайской национальной картине мира они связываются еще и с дискриминацией женщины на работе.

在职场上, 她经常因为性别而被低估, 这种不公平让她充满了**女人的委屈**。

*На рабочем месте ее часто недооценивают из-за своего пола, эта несправедливость заставляет ее чувствовать **женскую обиду**.* Женская обида возникает по причине недооценки профессиональных качеств и достижений женщины. Женщина регулярно сталкивается с недооценкой собственных способностей из-за гендерной принадлежности. Это основано на стереотипах, что женщины менее компетентны и не подходят для определенных ролей или обязанностей.

一位女性在职场上被忽视或被男同事轻视, 她可能会抱怨说: “这种对待让我感到很受伤, 这是**女性的委屈**。*Женщина, которую игнорирует на рабочем месте или унижает коллега-мужчина, может пожаловаться: «Такое обращение ранит меня, это **женская обида**».* Как видим, причиной женской обиды может стать даже унижение, которое позволяет себе мужчина в общении с женщиной на работе. По сути, такое поведение со стороны мужчин-коллег может быть результатом гендерных предрассудков и отсутствия уважения к профессиональным качествам женщины.

一位女性可能会因为遭受性别歧视而感到受伤, 比如被拒绝晋升或薪资不公平, 她可能会说: “我受到了工作上的不公平对待, 这是**女性职场上的委屈**。*Женщина, которая чувствует себя обиженной гендерной дискриминацией, например отказом в повышении по службе или несправедливой оплатой труда, может сказать, что подверглась несправедливому обращению на работе и испытала «**женскую рабочую обиду**».* Контекст указывает на более явные формы гендерной дискриминации: отказ в продвижении по службе или несправедливая оплата труда. Это создает барьеры для женщин, стремящихся к профессиональному развитию и финансовой независимости, и является прямым нарушением принципов равенства и справедливости. Женская обида, обусловленная отношениями в профессиональной среде, в значительной мере зависит от социокультурных факторов, гендерных стереотипов и специфических условий труда.

Еще один контекст отсылает нас к произведению Цао Сюэциня и иллюстрирует женские обиды, вызванные патриархальным укладом жизни: Цао Сюэцян в *«红楼梦»* описал любовную трагедию Цзя Баоюя и Линь Дайюй в романе *«Сон в красном тереме»*, в котором нашли отражение **женские обиды того времени**. Временная детерминированность женских обид в контексте данного романа тесно связана с патриархальными устоями, господствующими в китайском обществе того времени. В произведении детально описаны трагические последствия этих устоев для женщин, лишенных прав и свобод. Женская жизнь строго регламентировалась семейными устоями и ожиданиями:

贾母对黛玉说: “我们这儿的规矩, 女孩儿大了, 就不出门见客, 除非是亲戚, 才能见见。*Матушка Цзя сказала Дайюй: «Наши правила таковы, что, когда девочка подрастет, она не может выходить к гостям, только если она не их родственница».* Запрет на выход к незнакомцам по достижении определенного возраста свидетельствует о глубоко укоренившихся традициях, где контроль за поведением девушек служит для защиты семейной репутации и поддержания социальных норм.

Анализ воплощения субдомена «женская обида» в китайском текстовом пространстве указывает на высвечивание в содержании данной области кон-

цептуализации таких когнитивных признаков, как терпеливость, самопожертвование и скрытность женщин. Эти характеристики соответствуют доминирующим гендерным стереотипам в китайской культуре, женщинам традиционно приписывается способность к сдержанности и готовность жертвовать своими личными интересами ради семьи и социальной гармонии.

Терпеливость китайских женщин проявляется в том, что они часто переносят несправедливость или недостаток внимания со стороны членов семьи или общества, не выражая открыто своего недовольства. Этот когнитивный признак глубоко связан с идеей сохранения семейного порядка и гармонии, что в китайской культуре имеет первостепенное значение. При самопожертвовании женщины нередко отказываются от своих амбиций и стремлений ради интересов семьи, при этом их жертва остается незамеченной или недооцененной. Это отражает традиционные ожидания, что женщина должна ставить потребности других выше своих собственных. Скрытность китайских женщин воплощается в их склонности не выносить свои эмоции на поверхность, сдерживая внутренние переживания. Обида накапливается постепенно и может оставаться невидимой для окружающих, что связано с социальными установками на молчаливую выдержку и смирение.

Перечисленные признаки не только демонстрируют особенности менталитета китайских женщин, но и указывают на более общие социокультурные нормы, которые регулируют женское поведение и восприятие эмоциональных состояний в китайской культуре.

Следует отметить, что в китайской национальной картине мира обида, связываемая с семейными отношениями, представлена как реакция на действия и поведение членов семьи в целом. Образ жены, которая постоянно сталкивается с игнорированием со стороны мужа, свидетельствует, что обида накапливается со временем как результат отсутствия признания и поддержки. Такое жертвенное поведение, при котором женщина отказывается от своих мечтаний и амбиций ради достижения гармонии в семье, не получает должной оценки, что усугубляет женскую обиду.

Заключение

В ходе исследования субдомена «женская обида» были выявлены стереотипные характеристики, присущие женскому образу в генерализующем значении. Референция к «женскому классу» подразумевает обращение к обобщенному представлению о женщинах в целом, что отражает стереотипы, приписываемые женскому полу в социокультурном контексте.

Анализ субдомена «женская обида» в русской и китайской национальных картинах мира выявляет как общие черты в концептуализации эмоционального состояния обиды, так и значительные культурные различия. В субдоменной области «женская обида» актуализируется целый ряд когнитивных признаков, которые обнаруживают связь и с элементами типовой ситуации переживания обиды, относящимися к домену «эмоциональное состояние», и с характеристиками женщины, представляющими доменную область «социальный пол».

В структуре субдомена «женская обида» в русской языковой картине мира выявляются такие когнитивные признаки, как непредсказуемость обид, их управляемость и недолговечность, кумулятивность, манипулятивность и пылкость. Русские женщины, как показывают анализируемые тексты, склонны использовать обиду в контексте достижения личных целей, при этом их эмоциональные всплески воспринимаются как кратковременные и управляе-

мые. Обида в русской национальной картине мира часто ассоциируется с реакцией на невнимание или неадекватное поведение со стороны мужчин, что ведет к стереотипному восприятию женского поведения как капризного и непредсказуемого.

В китайскоязычном текстовом пространстве при осмыслении женских обид выделяются следующие когнитивные признаки: кумулятивность, долговременность, безысходность обид, скрытность их переживания. В китайской национальной картине мира чувство обиды, возникающее у женщины, объясняется действиями всех членов семьи, что подчеркивает более широкий социокультурный контекст детерминации обиды.

Женская обида и в русско-, и в китайскоязычных текстах часто объективируется в метафорических сценариях. Образные выражения подчеркивают тяжесть и длительность негативного эмоционального состояния, актуализируя тождественные когнитивные признаки доменной области «женщина». Общими для русской и китайской картин мира оказались представления о кумулятивности обид, вызванные терпеливостью представительниц женского пола. Однако в китайском текстовом пространстве сделан больший акцент на жертвенности женщин во благо интересов семьи. Женщины часто вынуждены отказываться от своих интересов и желаний ради семьи, но это редко получает должное признание.

В китайской картине мира женщина переносит обиды, не демонстрируя своей боли, своего недовольства окружающим, этим объясняется объективация в китайскоязычных текстах когнитивного признака 'скрытность переживания обид', связываемого с доменной областью «женщина». Согласно русскому мировидению, женщина чаще выражает эмоции открыто. В китайскоязычных контекстах обида представлена как основанная на глубоком внутреннем конфликте, связанном с долгосрочным ощущением недооценки и дискриминации со стороны как семьи, так и общества в целом.

Обобщая сказанное, подчеркнем, что в русской и китайской национальных картинах мира представления о женской обиде связаны с гендерными стереотипами, но их проявление и интерпретация не всегда одинаковы, так как эти стереотипы зависят от доминирующих в обществе культурных ценностей и норм. Эти различия отражают глубокие культурные и социальные ожидания, связанные с гендерными ролями, и требуют дальнейшего изучения для полного понимания национально-культурных особенностей эмоциональной сферы.

Список источников

Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 05.10.2024).

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.

Жаботинская С. А. Концептуальный анализ языка: фреймовые сети // Мова. 2004. № 9: Проблеми прикладної лінгвістики. С. 81–92.

Жаботинская С. А. Модели репрезентации знаний в контексте различных школ когнитивной лингвистики: интегративный подход // Когнитивные исследования языка: сб. науч. тр. Вып. 3: Типы знаний и проблемы их классификации / ред. Е. С. Кубрякова, Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. С. 61–74.

Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: МГУ, 1997. 197 с.

- Мельникова О. Н. Эмоциональный концепт обида в русской языковой картине мира // Изв. ГГУ им Ф. Скорины. 2007. № 2 (41). С. 185–189.
- Минский М. Фреймы для представления знаний: пер. с англ. М.: Энергия, 1979. 152 с.
- Попова З. Д., Стернин И. А. К проблеме унификации лингвокогнитивной терминологии // Введение в когнитивную лингвистику. Кемерово: Графика, 2004. Вып. 4. С. 52–58.
- Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
- Шмульская Л., Мамаева С. Эмотивный концепт «обида» в художественном пространстве // Успехи соврем. естествознания. 2012. № 7. С. 118–121.
- Эмих Т. А. Концепт «обида» в лингвокультурологическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 24 с.
- Langacker R. W. A course in cognitive grammar. Manuscript. Preliminary draft. San Diego: UCSD, 2000. 73 p.
- Langacker R. W. Grammar and conceptualization. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1999. 419 p.
- Langacker R. W. Foundations of cognitive grammar. Vol. 1: Theoretical prerequisites. Stanford, CA: Stanford University Press, 1987. 516 p.
- Langacker R. W. Foundations of cognitive grammar. Vol. 2: Descriptive application. Stanford, CA: Stanford University Press, 1991. 395 p.

References

- Big Chinese-Russian Dictionary*. Available at: <https://bkrs.info/> (accessed 5 October 2024). (In Russian).
- Emikh, T. A. (2005). *The concept of “offense” in a linguocultural aspect*. Dissertation abstract. Saint Petersburg, 24 p. (In Russian).
- Kubryakova, E. S., Demyankov, V. Z., Pankrats, Yu. G. and Luzina, L. G. (1997). *A brief dictionary of cognitive terms*. Moscow, MSU, 197 p. (In Russian).
- Langacker, R. W. (2000). *A Course in Cognitive Grammar. Manuscript. Preliminary Draft*. San Diego, UCSD, 73 p.
- Langacker, R. W. (1999). *Grammar and conceptualization*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 419 p.
- Langacker, R. W. (1987). *Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1: Theoretical Prerequisites*. Stanford, CA, Stanford University Press, 516 p.
- Langacker, R. W. (1991). *Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 2: Descriptive Application*. Stanford, CA: Stanford University Press, 395 p.
- Melnikova, O. N. (2007). The emotional concept of “offense” in the Russian linguistic worldview. *Bulletin of Skorina Gomel State University*, no. 2, pp. 185-189. (In Russian).
- Minsky, M. (1979). *Frames for knowledge representation*. Moscow, Energy, 152 p. (In Russian).
- Popova, Z. D. and Sternin, I. A. (2004). On the problem of unifying cognitive-linguistic terminology. *Introduction to Cognitive Linguistics*. Kemerovo, Graphics, iss. 4, pp. 52-58. (In Russian).
- Shakhovskiy, V. I. (2008). *The linguistic theory of emotions*. Moscow, Gnosis, 416 p. (In Russian).
- Shmulskaia, L. and Mamaeva, S. (2012). The emotional concept of “offense” in the artistic space. *Advances in Modern Natural Science*, no. 7, pp. 118-121. (In Russian).
- Volf, E. M. (2002). *Functional semantics of evaluation*. Moscow, Editorial URSS, 280 p. (In Russian).
- Zhabotinskaya, S. A. (2004). Conceptual analysis of language: frame networks. *Language*, no. 9: Problems of Applied Linguistics, pp. 81-92. (In Russian).
- Zhabotinskaya, S. A. (2008). Models of knowledge representation in the context of various schools of cognitive linguistics: an integrative approach. *Cognitive Studies of Language. Vol. 3. Types of Knowledge and Problems of Their Classification*. Collection of Sci-

entific Papers. E. S. Kubryakova, N. N. Boldyrev (Eds.). Moscow, Tambov, Publishing House of Derzhavin TGU, pp. 61-74. (In Russian).

Сведения об авторе

Белодед Виолетта Александровна – аспирант кафедры русского, общего и славянского языкознания, vey.syao@mail.ru

Information about the Author

Violetta A. Beloded – postgraduate student, Department of Russian, General, and Slavic Linguistics, vey.syao@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.10.2024; одобрена после рецензирования 25.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 10.10.2024; approved after reviewing 25.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.